

КРОКОДИЛ № 18

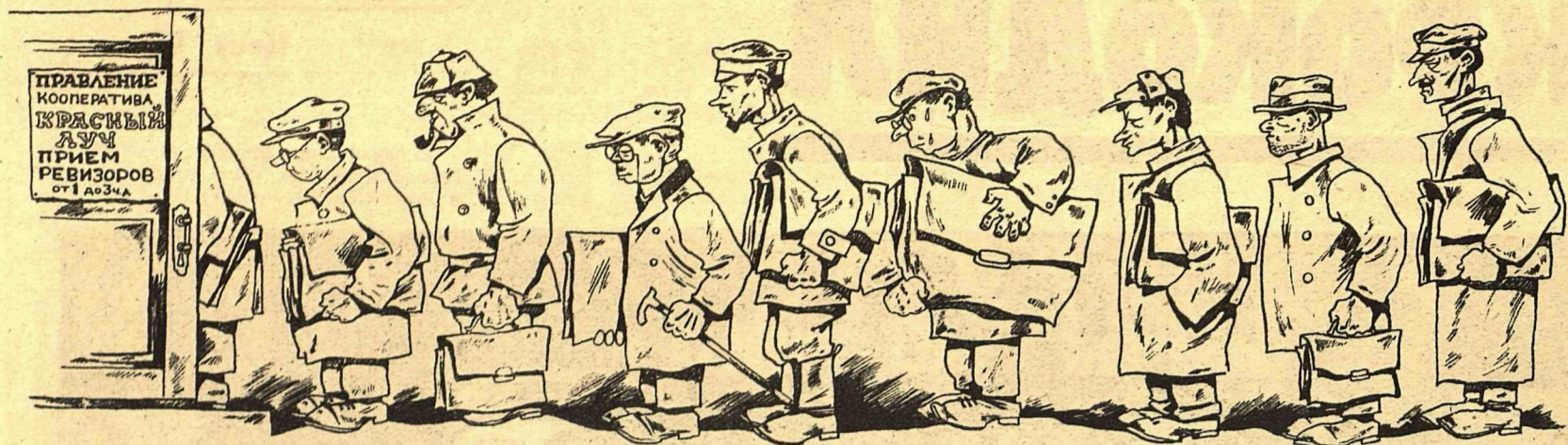
В связи с наводнением во многих городах рабочие были переселены в помещения клубов.

Рис. А. Радакова

— Вот, наконец, когда исполнилось пожелание профсоюзников — и рабочие чувствуют себя в клубе буквально, как дома.

Рис. М. Х.

— Что это за очередь? — А это ревизоры в кооператив присланы. Вот по очереди и ревизуют.

РЕЖЕМ ЭКОНОМИЮ

С провозглашением режима экономии ответственному хозяйственнику Скромнову, как говорится, жара пришла. Скромнов мучился искренно и тяжело, задумываясь над вопросом:

— Что бы с'экономить? Где бы урезать расходы, которые накладные?

Явному нарастанию его мучений способствовало и то обстоятельство, что с фронта борьбы с излишествами и накладными расходами сводки все время сообщали о новых достижениях различных трестов, синдикатов, торгов и прочих хозяйственных организаций:

— Сахаротрест прекратил выдачу служащим сахару к чаю во время занятий и с'экономил таким образом в месячном бюджете два рубля тридцать семь с половиной копеек.

— Промбанк уничтожил вообще подачу чая служащим во время занятий и сберег в годовом балансе тринадцать рублей.

— Солесиндикат сдал в электротрест перегоревшую лампочку на предмет регенерации и сократил этим расходы на освещение одновременно на одиннадцать копеек.

— Опердот сократил курьершу, выдав ей выходное пособие за месяц и компенсацию за неиспользованный отпуск: в будущем ожидается значительная экономия от этого смелого шага.

— Некое учреждение заперло уборные с целью избавления от накладного расхода по оплате ассенизационного обоза, — прибыль подсчитывается.

И так далее, и так далее. Всюду кипела жизнь, разворачивалась борьба с расточительностью, и только один Скромнов не проявлял себя на этом четвертом фронте, терзаясь и убиваясь своей беспомощностью.

Однако бывают порывы вдохновенья почти у каждого человека, особенно у хозяйственника, занятого вопросом об экономии. Налетел такой порыв и на Скромнова, захватил его, завертел и в одно прекрасное утро швырнул в учреждение с готовым уже проектом экономии.

Вызвав управдела, Скромнов с ним вместе обходил помещение, ласково здоровался со служащими, большинство которых он видел первый раз в жизни. В каждой комнате Скромнов многозначительно покачивал головой и укоризненно гмыкал. Вернулись в свой кабинет, Скромнов откашлялся и сказал решительно:

— Вот что, Василь Палыч! Все это — продать!

— Что прикажете продать? — недоуменно переспросил управдел.

— А все это, — Скромнов широко махнул рукой: — ну, как ее? — обстановку!

— Новую думаете приобретать?

— Василь Палыч?! — вскрикнул Скромнов: — другого я уволил бы за такой вопрос. При режиме-то экономии — покупать! Вы с ума сошли? Продать — да! Но покупок — никаких.

— По-позвольте. Как же так? А на чем же работать?

— Работать? А без этой ерунды, — ткнул Скромнов ногой письменный стол, — нельзя и работать по-вашему? Очень хорошо!

— Но все-таки...

— Никаких все-таки! Очень просто. Где, по-вашему, бухгалтерии удобнее работать, — там, где для книг больше места, или же на тычке? Конечно, на широкой площадке. Вот и пускай на полу разложат книги и работают...

— Как же бумаги подписывать, на чем? Ежели для каждой бумаги на пол садиться, — такое в поясицу вступит...

— Подписывать бумаги? Очень просто. Спину найдем. Специального человека, который будет спину подставлять. На спину бумагу и подписывать. По-походному, так сказать. Если нужно — три спины пригласим, — на эту работу каждый с удовольствием пойдет!

— А машинки как же?

— Предусмотрено и это: делопроизводитель становится на четвереньки и пишет свой там входящий или еще какой. Ему на спину — машинка. Машинистка сидит на полу, ноги просовывает и готово. Ну-с?

Управдел трепетал, Скромнов торжествовал:

— Экономия зато какая, Василь Палыч! Прежде всего — помещению экономим: вместо наших тринадцати комнат свободно помещаемся в четырех, — остальные на замок и хранить бережно, как госимущество. Это раз. Второе — время: все вместе, никого не вызывать, не ждать, пока придет, и так далее. Наконец, самое главное — деньги: выручим за обстановочку живую копейку. Вот! Поняли?

Паника населения не поддается описанию.

В. Павлов.

Рис. М. Храповского

БЕСПРИЗОРНЫЙ: — Ну, Мишка, наконец-то, мы с тобой одеты по сезону!

ПРАЗДНЫЕ МЫСЛИ ГРАЖДАНИНА САВЕЛИЯ ОКТЯБРЕВА

(Во время узаконенного 42-часового отдыха)

И глупый начальник может думать, но только после того, как сделает глупое распоряжение.

Сундук без замка никогда не заключает в себе сокровищ. Так и вечно открытый рот не сулит ничего путного.

Глупо днем жечь лампу, а ночью сидеть без керосина.

Ошибки твоих сослуживцев всегда выгодней, чем их успехи.

Выгодно быть низкого роста, ибо тогда невольно смотришь на начальство снизу вверх.

Небрежность и нескладность костюма отнюдь не придают женщине ума и мужественности.

Женщина, усвоившая политграмоту, всетаки женщина.

Мужчина, являющийся инструктором женотдела,—явление ненормальное.

Беспартийный Савелий Октябрев.

ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ ВЛАСТЬЮ

1.

Контрольный врач, человек щупленький и робкий, приложился к необъятной грудице рабочего Вакулова.

— Вдохните!—сказал он, и тотчас жидкие волосики на его голове разлетелись в разные стороны от вылетевшего изо рта Вакулова вихря из табачного и спиртного перегара.

— Вдохните еще раз!

И даже полы докторского халата распахнулись от повторного вдоха.

— Ну и...—сказал врач. — Ничего не найдю... И все в порядке!

Но тогда Вакулов вдруг освирепел:

— Это, то-ись, как—в порядке?—хрипло спросил он и выпучил глаза.—По какому, то-ись, положению ничего не находите?

Врач замахал руками и сказал примирительно:

— Ну, и... ну, и... ну, и не волнуйтесь! Дай бог всякому такое здоровье!

Однако Вакулов с этим не согласился.

— Это, чтобы в ухо-то отдавало—здоровье? Да я, может, руки поднять не могу! Что-ж, трудящему человеку и это по-вашему—ничего? А ежели у меня сон что ни минута перебивает, то это—как?... Да я...

— Ну, и пейте меньше, пейте меньше, пейте...

Но Вакулов загремел:

— Не бывает таких прав, чтобы ежели человек больной... Посадили вас, чертей, на нашу голову! Вместо, чтоб охранять народное здоровье, согласна кодекса...

Врач в это время, сажая кляксы, писал на бланке отпуск Вакулову на один день.

«Ну, и...—думал он.—Ну, и скандалист! Ну, и не стоит связываться!».

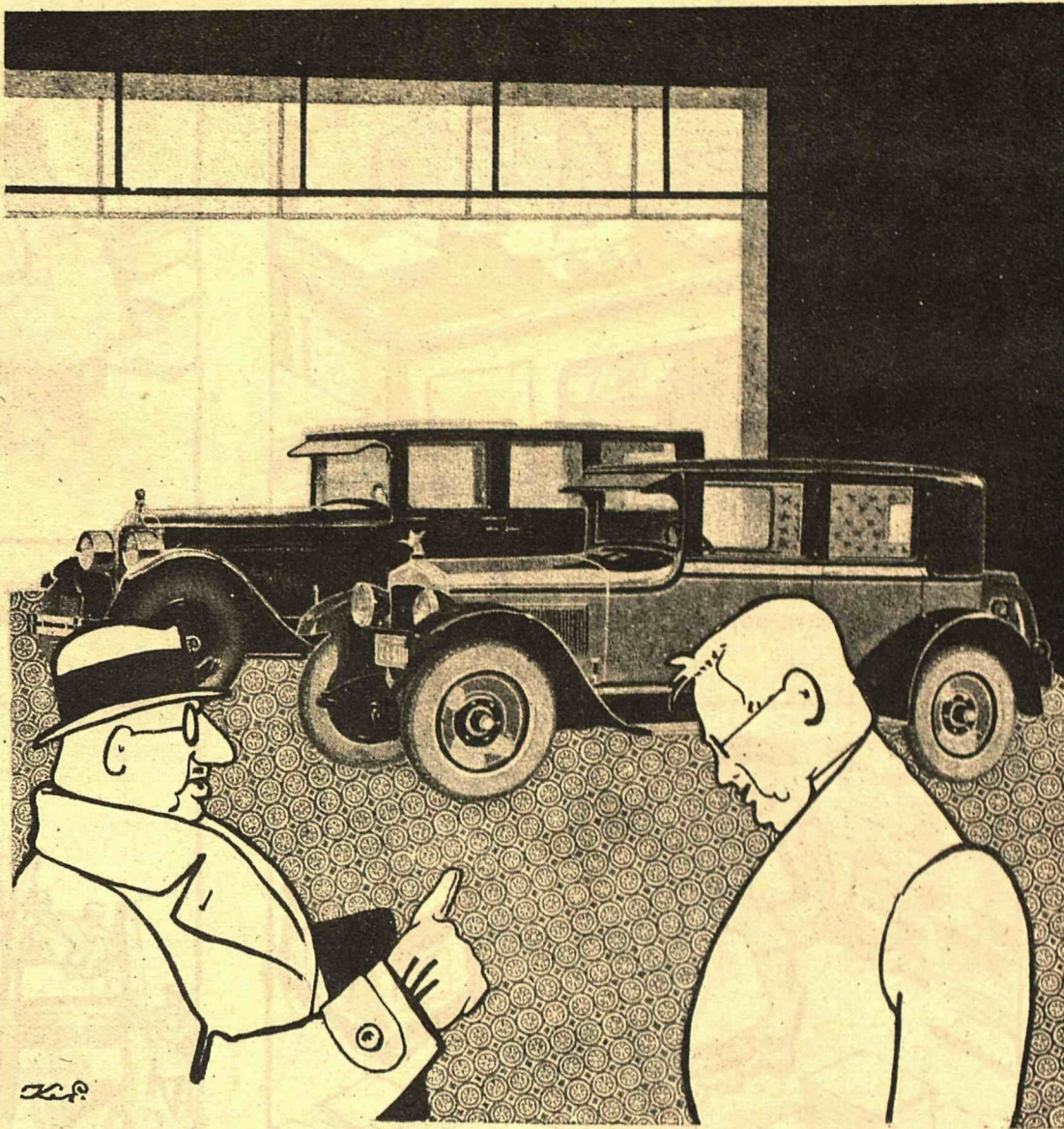
2.

Через час Вакулов мрачно переминался в фабзавкоме, перед председателем кассы взаимопомощи.

— Насчет способности как бы...—хрипел он.— Мне бы ден на пять... Как получка, так и... Хоча бы пятерку!

Рис. К. Елисева

РАСЧЕТЛИВЫЙ ЗАВ

— Эта машина для нас слишком роскошна: теперь нужна экономия. Вы, пожалуйста, упростите ее, снимите украшения (конечно, за дополнительную плату). И тогда я ее возьму.

— Пятерку? — возмутился председатель.— Никакой пятерки! Стыдитесь! Шесть месяцев 40 рублей не платите!

Но Вакулов вдруг освирепел:

— Что же я теперь, родить их должен при своей сетке 4-го разряда, или как? Да я, может, по случаю членства все сто вам заплатил, а не какие-нибудь сорок? Значит, поэтому болящему человеку теперь не емши, или что?

— Т-сс! Да вы не кричите! Один я ничего не могу, а правление вам все равно откажет...

Но Вакулов с этим не согласился.

— То-ись, как откажет? По какому, то-ись, положению? Ежели я есть трудящийся в безвыходном положении, то на основании каких таких прав? Вместо того, значит, чтоб облегчать немощный элемент, согласно советской власти... Посадили вас тут, чертей!..

Председатель давно уже махал руками, так как голоса его не было слышно.

— На тебе тройк... Да держи тройк, чорт! Уф! Ну, и глотка!

Вакулов взял тройк, вздохнул и вышел.

3.

Через полчаса он стоял в местном кооперативе.

— Вам чего?—спросил его приказчик.

— Ну-ка, гони-ка бутылочку... Как я есть кооперированный член...

— Не торгует-с...

Но Вакулов освирепел:

— Это, то-ись, на каком основании? Между кем, то-ись, в таком случае распределяется? Сами, может, глаза налиivate, а ежели член кооперации, то—чорта лысого?! На основании какой такой конституции?

— Не держим-с... Вы не кричите...

Но Вакулов не мог с этим согласиться.

— Ежели я—рабочий,—гремел он,—то мне, значит, не покричи? Да я, может, член лавочной комиссии?... Может, я должен вашу махинацию на свет вывести, по причине неправильного распределения?..

— Не кричите, гражданин, — уговаривал приказчик.—Неудобно... Поговорите с заведующим, сейчас его позову.

— Дался мне твой заведующий! Как я стою за справедливость, то на основании этого заявляю категорически протест!..

Прилавок осел под ударом Вакуловского кулака.

— Посмотрите поскорей, не осталось там случайно бутылки,—говорил заведующий, бледнея и разводя руками.—Ну, и... пассажир! Ну, и... Получайте, на ваше счастье!

4.

Придя домой, Вакулов выпил, крикнул и сказал задумчиво:

— На что уж советская страна, а трудящему человеку все равно до своих прав не добраться!

В. Авилов.

ИСТОРИЯ ОДНОЙ ПОСТРОЙКИ

Рис. Ив. Малютина

Для того, чтобы утвердить устав жилкооператива, надо было написать вороха бумаги.

Чтобы получить разрешение на строительный участок, бумаги потребовалось в десять раз больше.

Бумага, затраченная на получение разрешения на постройку, заняла громадную площадь.

Потом пришлось утверждать план. И когда план был утвержден, оказалось, что жилкооперативу не нужно покупать строительных материалов: использовали кипы затраченных на хлопоты бумаг и вставили только окна.

КАК ЭТО ВСЕ ПРОИЗОШЛО

В четверг, 1 апреля 1926 г., ровно в 4 часа дня, в редакционную комнату вошел не без малого шума молодой человек, абсолютно кожаной наружности.

— Где у вас тут редактор?—скомандовал вошедший, ломая последний редакционный стул.

Робкий завлит оробел еще больше и непротивленческим голосом ответил:

— Чем могу быть полезен, товарищ?

— Вот партбилет! Здравствуйте, товарищ! Я Семен Баррикадов! Мне нужно с вами переговорить. Здесь нет беспартийных?

— Не беспокойтесь, товарищ! Здесь все свои. Садитесь, пожалуйста. Я вас слушаю...

Молодой человек, назвавший себя Баррикадовым, сел на стол и извлек из пыльного портфеля несколько тетрадей, перевязанных красной лентой. Он протянул их завлиту, посыпав его стол хлебными крошками и табаком.

— Вот! Печатайте!

— Что это такое?

— Разве вы, товарищ, не видите? «Записки тов. Баррикадова». Мои записки! Извольте печатать!

— Но позвольте...

— Не позволю! Я не давал вам слова. Вот эти тетради вам для начала. А сейчас мне некогда: половина пятого у меня в одном месте доклад, а в другом заседание. Лечу! С комприветом.

И Баррикадов, сломав последний редакционный стол, выбежал из комнаты.

Через семь минут завлит, а за ним и младшие сотрудники редакции пришли в себя.

— Прошу слова,—начал завлит.—Не знает ли кто этого Семена Баррикадова?

— Я, если позволите, о Баррикадове кое-что слышал,—сказал замзавлит.—Баррикадов хорошо известен в провинции. Он постоянно перескакивает из одного города в другой. Работником он в 1919 году считался незаменимым. Он мастер выступать и, кроме того, замечательно играет на барабане. Одно время даже редактировал газету на юге. Но главная его специальность—реформы. В этой области он считает себя величайшим революционером. Нэпа до сей поры не признает и все с ним связанное считает контр-революцией. Вообще он парень занятый. Одни про него говорят, что он самый левый из левых коммунистов, а его недоброжелатели утверждают, что он, выражаясь мягко, дурак.

— Ну, нам в такие тонкости вдаваться не следует. Почитаем-ка лучше, что он тут написал.

Завлит прочитал три тетрадки Баррикадова и единогласно постановил:

— Материал подходящий. Стиль, правда, не того, но зато очень содержательно, программно и агитационно. В суждениях и даже в стихах по личному вопросу есть государственный масштаб. Одним словом, эта вещь вполне подходит для серьезного юмористического журнала, каковым является наше издание.

Сотрудники, разумеется, как всегда, не возражали, и рукопись Баррикадова начинается печатанием с настоящего номера.

„Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ ТОВАРИЩА СЕМЕНА ЕФИМОВИЧА БАРРИКАДОВА

1. О ПРИЕМЕ НЕКОТОРЫХ ЛИЦ В ПАРТИЮ

Не могу не обратить внимания кого следует на такую ненормальность. В Москве многим личностям, определенно беспартийным, имеются памятники, как-то: Гоголю, Пушкину, Достоевскому и т. п. Мне кажется, держать у всех на виду памятники беспартийным гражданам СССР не очень-то агитационно. Каждый гражданин будет рассуждать так: «А зачем мне идти в партию, если и так можно дослужиться до памятника». Я полагал бы целесообразным зачислить всех лиц, кои отмечены памятниками, хотя бы кандидатами. Что же касается анкет, то, принимая во внимание малоподвижность вышеупомянутых граждан и их неприязненность к новой орфографии, считал бы возможным ограничиться представлением на первое время по 17 экземпляров.

Рис. Ю. Ганфа.

ЗАВ:—Вот перед вами кооператив...
Теперь я его накрываю...

— Раз, два, три, четыре... Итого
8.257 рублей 35 копеек.

— И... теперь перед вами уже не кооператив, а мой собственный домик!

Я в вас, товарищ, не влюбленный,
Любовь здесь, Ида, не при чем,
Я просто жизнью закаленный,
Коммунистическим огнем.

От баррикады к баррикаде
С винтовкой мы бросались в бой...
Там были сестры, были братья,
Но вас там не было со мной.

В крови валялись мозг и зубы,
На баррикаде флаг алел,
Под флагом трупы... трупы... трупы...
И гул от бомб, как гром, гремел!

Теперь же хочется какой-то сказки,
Аккордов, Ида! Песен красоты
И хоть кусочек вашей чистой ласки
Во имя умершей мечты!

3. ГДЕ ЖЕ СПРАВЕДЛИВОСТЬ?!

На девятом году революции у нас еще не изжито самое возмутительное неравенство. В Москве можно на каждом шагу встретить людей и очень высоких и очень низких, на которых первые, конечно, смотрят свысока. А между тем это неравенство легко устранить. Стоит только разделить людей по категориям, соответственно росту, и каждой категории предоставить определенную местность. Самых низких можно поселить в низменных местах. Там они будут казаться выше, а самых высоких — на местах возвышенных, например, на Кавказе. Там, рядом с Эльбрусом, они не будут казаться столь высокими. Переезд населения из одного места в другое оживит наш транспорт и учреждения, которые увеличат свою продукцию по части неимения препятствий. Очень просто.

4. КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ НЕ ДРЕМЛЕТ!

Вчера слушал с наслаждением радио на самой длинной в мире агитационной волне. Вдруг наши радио-заправилы вместо агит-проп-материалов пустили по воздуху в трудящиеся массы оперу помещика Чайковского — «Евгений Онегин» (был такой феодал). Не могу об этом писать спокойно! Доколе спецы будут измыивать над нами! Довольно мешанской, мелко-буржуазной музыки! Даешь «Кирпичики» и пионерский барабан! Кому следует, обрати внимание!

(Продолжение следует).

Б. Самсонов.

СИЛА РЕКЛАМЫ

В деревню часто поступают рекламы... годовых товаров, которых в кооперативах и посмотреть нет.
(Из речи т. Куйбышева).

Деревня от ярких реклам без ума:
— Смотри-на, какая их сила!...
Не только в планаты оделась сама,
Но даже и тресты... „покрыла“...

В КОРЕНЬ И ПОД

У начальников, наблюдающих природу только сверху, создается о ней впечатление поверхностное.

Раньше купцы были определенной гильдии, а теперь, за неимением гильдий—разгильдяи.

Мы еще не умеем строить простые дома, зато превосходно строим воздушные замки.

От нашей агитпропработы польза двойная: она лишает сна Чемберлена и излечивает от бессонницы советских граждан.

Мы роскошествуем не по средствам: у нас много пустых голов снабжено медными лбами.

Начальнику зевать не пристало.

Человек может возражать только в том случае, если у него есть подчиненные.

Зачем начальнику быть умным и талантливым, если он уже и без того начальник?

Сам.

ЧИСТАЯ ЭКОНОМИЯ

Червякина выгнали к собачьим чертям за бесхозяйственность и расточительность, а меня назначили на его место.

Два дня я посвятил размышлению о том, каким способом навести экономию, а на третий вызвал к себе управделами и предзавкома:

— Вот что, товарищи... Конечно, личная скорбь отступает на второй план перед интересами социалистического государства, но всетаки... Я извиняюсь за невольную дрожь в моем голосе: мои личные переживания не относятся к делу, но... Одним словом, короче говоря, померла моя тетушка.

Предзавкома с управделами молча привстали и потупили взоры.

— Усопла старушечка!.. — повторил я, не удержавшись от легкого хлюпанья носом и тяжелого вздоха. — Не дожидаясь. Где, черт, платок мой девался?.. Нет, не беспокойтесь, т. предзавкома, я и так обойдусь. Вообще отложим мои личные чувства в сторону. Дело не в них, а вот в чем: я заготовил тут маленькое объявление... Вот: «Директор такой-то... с душевным прискорбием уведомляет родных, знакомых, товарищей»... ну, и так далее... «о безвременной кончине своей двоюродной тетки, Феоктисты Авксентьевны Долгоносиковой. Мир праху твоему, дорогая страдальца». Все. Я просил бы, т. управделами, срочно отправить это в газеты и отнести за счет хозяйственных сумм.

— Будет исполнено, — сказал т. управделами.

— Благодарю вас. Кроме того, не мешало бы напечатать объявления от коллектива рабочих и служащих и от управления делами. Такое же приблизительно, но с каким-нибудь там добавлением. «Спи с миром, дорогая Феоктиста, твое дело в верных руках!» Что-нибудь в этом роде...

Управделами склонил голову. Предместкома хотел было издать какой-то звук, но я пояснил:

— Конечно, все это — за счет хозяйственных сумм. Рабочие и служащие не пострадают. Вы уж потрудитесь распорядиться, т. управделами!

— Слушаю, — сказал т. управделами. — Но, между прочим, ничего не сказано в объявлении насчет дня похорон. Забыть изволили или...? Извините, что вмешиваюсь, так сказать, в личное горе.

Я слабо махнул рукой:

— Ничего, что там!... Сделайте одолжение. Вообще мою личную драму можно отложить в сторону. Насчет похорон?.. Нет, какие же похороны? О каких вы, собственно, похоронах?

— Я, собственно, полагал, которые по гражданскому обряду, — сконфузился т. управделами, — но... Принимая, разумеется, во внимание живучесть, так сказать, предрас-судков...

— Не в том дело! Похороны вообще не будут: они уже были. Ведь тетенька моя померла... когда, бишь, она скончалась?.. Не то в 1913 приказала долго жить старушенция, не то в 1912: уж и не помню, собственно говоря... Это же еще довоенная была тетушка!

Предместкома встал, сел, опять встал, раскрыл рот и снова закрыл. Управделами ерзнул на стуле и произнес:

— Кгм!... Да... Конечно, оно ничего, но...

— Ну? — нетерпеливо удивился я.

Рис. Ю. Гауфля

Кооперативные служащие возвращаются домой со службы.

— Собственно, ничего, но удобно ли будет? Конечно, почтить, так сказать, память — оно отчего же?.. Но, принимая во внимание режим экономии и платные объявления...

Я опять удивился:

— Что?.. Но ведь это же и есть экономия! Не из личных же я побуждений! Плевать мне на эту тетку: я даже рад был, признаться, когда она окачурилась. Но оставим мои личные чувства в стороне. Сколько надо заплатить за объявления?

— Рублей в триста, пожалуй, вскочат...

— Ну вот! А если бы тетушка была жива... Вы ж понимаете, товарищи: сейчас я устроил к нам на службу только жену, а тогда пришлось бы еще и тетушку. Допустим, — по 12-му разряду с нагрузкой: сосчитайте-ка, во сколько она, подлая, обошлась бы государству за один год, если б не померла! А если б она лет пять еще прослужила? А!... Это уж не тремя сотнями пахло б!..

Предместкома и управделами переглянулись — и не нашли возражения.

Я вздохнул и добавил грустно и кротко:

— Но... усопла старушечка! Не дожидаясь. И сэкономила государству, самое меньшее, несколько тысяч рублей. Вот почему мы и должны почтить ее память. Что же до моих личных переживаний, то... не будем об этом говорить!

Предзавкома с управделами молча привстали и потупили взоры.

Никита Крышкин.

ПРАЗДНЫЕ МЫСЛИ ГРАЖДАНИНА САВЕЛИЯ ОКТАБРЕВА

(Во время узаконенного 42-часового отдыха)

Проявляй инициативу, но только по приказанию начальства.

Хорошим работником считается тот, кто умеет во-время сказать о своей работе.

Если начальник назовет тебя «на ты», — это поощрение. Но не вздумай отвечать ему тем же, — это неуважение.

Некоторые граждане занимают должностные посты только потому, что никто не обращает на них должного внимания.

Уезжая в отпуск, помни, что отпуск месячный нередко превращается в отпуск бессрочный.

Редко кто хвалит уходящее начальство. Зато начальство уже ушедшее всегда вызывает сожаление, ибо и этому времени успевает проявить себя заместитель.

Получать деньги всегда приятно. Но вряд ли кто особенно радовался, получая выходное пособие.

Кто поймет человеческую природу?
Некто, вернувшись из отпуска на службу, воскликнул:
— Наконец-то я смогу как следует отдохнуть!

Гораздо важнее казаться незаменимым, чем быть им на самом деле.

Выпивая с начальником, укрепляешь служебное положение.

Беспартийный Савелий Октябрев.

ВИАНЫ В БОК

НА ЗАРЕ ТЫ ЕЕ НЕ БУДИ...

Одна товарищ из ст. Ивот, Брянской губернии, обижается на отделение ЦРК:

«Как только привозят к нам галоши, всегда скандал: секретарь ячейки берет галоши безо всякой очереди, завстрах-кассой то же самое, уполномоченный ЦРК выдал сестре своей галоши. Из полученных 100 пар галош 20 пар завлажкой роздал по знакомым...»

«Дорогой «Крокодил», разбуди лавкомиссию, пусть она займется распределением галош».

«Крокодил» вам не враг и будить лавкомиссию не намерен,—для вас же хуже будет. Вы думаете, у лавкомиссии мало знакомых, нуждающихся в галошах?

НЕ ЖАЛКО

Выписка из протокола № 8 заседания месткома № 1 союза советскослужащих села Старипки, Паласовского кантона:

Слушали: О перемене фамилии члена месткома Терентьевой, Е. А.

Постановили: В виду выхода ее замуж с сего числа считать ее Федюхиной.

Корреспондент, приславший нам этот документ, сердито спрашивает: «Зачем местком присваивает себе чужие функции?»

Что функции присваивает, нам не жалко. Пусть... Лишь бы членских взносов не присваивал!

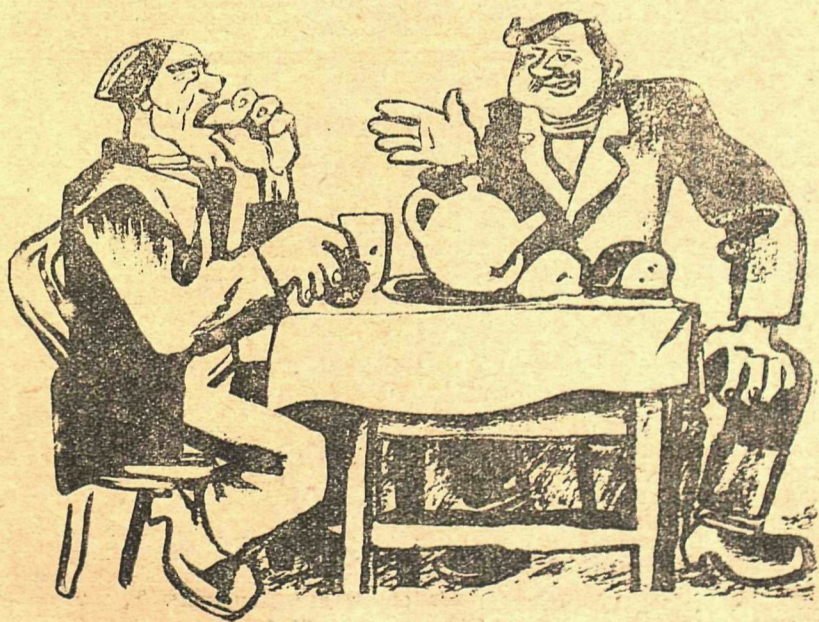
НИЧЕГО УДИВИТЕЛЬНОГО

Из Калужского текстильного треста пишут:

«У нас на службу принимаются лица по протекции и не члены профсоюзов. Так, например, приняты: дочь бывшего купца Сагина и жена служащего Блинова. Удивляюсь, как на 9-й год Октябрьской революции такие ненормальности».

Ничего тут удивительного нет. Вот если бы у вас на службу принимались без протекции, это да. Вот это было бы, действительно, удивительно.

Рис. И. М.

—Смотри, Прохорыч, и тут экономия: прежде в ситном не меньше шести гвоздей было, а теперь два, и те ржавые!

СОБСТВЕННАЯ БАЗА

Десятник товарной Симоновской базы (г. Москва) Хромов, пользуясь своей властью, берет с работы женщин и заставляя их 8 часов работать у себя в квартире: стирать белье и т. д. С рабочими он тоже не церемонится и заставляет их таскать дрова с базы к себе в квартиру, на Лужнецкую улицу.

Вот это работник! Он настолько отдастся работе, что не знает уже теперь, где база, а где его квартира.

ПРОЩЕНИЯ ПРОСИМ

Секретарь ячейки ВЛКСМ при Кимарской многолавке Петр Волков на вывешенной уже готовой стенгазете стал перечеркивать и править те места в газете, которые ему не нравились, «ибо, — говорит он, — без моего согласия меня протаскивать нельзя».

«Крокодил» в простоте душевной не знал, что Волкова протаскивать нельзя. Извините, тов. Волков, больше не будем.

НЕ ЦЕНЯТ

Жалуется нам один корреспондент:

«В селе Николаевке, Лозово-Павловского района, организовали кооператив. Собрали денег, а они вот уже шесть месяцев лежат в карманах сборщиков».

Ежели еще лежат, так это даже очень хорошо. Гораздо хуже, если деньги уберут, а сборщики сидят

НА ЗДОРОВЬЕ!

Самарский губернский отдел здравоохранения в ответ на запрос губотдела союза печатников, как полагается, послал ответ. Запрос был послан 21 сентября 1925 года, а ответ получился 24 марта 1926 года.

Губздрав заботится в первую очередь о своем собственном здоровье и работает не спеша.

НЕПРОСТИТЕЛЬНЫЙ ПОСТУПОК

Курица и та пьет! Но пьет в меру, чего нельзя сказать про многих граждан СССР, в большинстве своем полагающихся на собственную душу: «Душа,—мол,—меру знает». А так как научно доказали, что души нет, то и получается у нас пьянство безмерное. С Сев. Кавказа нам пишут:

Председатель Темрика Милдикин в пьяном виде ударил миллионера по лицу, но, проспавшись, извинился, и потерпевший простил его. Простить ли ты, «Крокодил», Милдикина?

А «Крокодилу» что его прощать: Милдикин ему не начальник.

ОХРАНА ТРУДА НЕ ДРЕМЛЕТ

Газеты постоянно писали: «Охрана труда, не спи!» да и накричали беду. В Новой Вухаре охрана труда не спит, а трудовому коллективу саножников от этого приходится кляло:

Инспектор охраны труда Верескин заказал нам сапоги, а деньги не платит. «Инспектору, — говорит,—можно и так».

Как видите, зря парня разбудили. Выспался и теперь не зебает.

ЯМЩИК, НЕ ГОНИ ЛОШАДЕЙ!

В селе Ялта, Мариупольского округа УССР, предрика получает жалованья 90 рублей в месяц, а конюх—18 руб. При поездках в город по служебным делам полагаются командировочные, но получает их только предрика, который на эти деньги то куртку себе сошьет, то галифе. А кучер сидит голодный и ничего не получает.

Кучер для утешенья может, едя в город в очередную командировку, напевать про себя:

Понапрасну, кучер, едешь,
Понапрасну лошадь бьешь,
Ничего ты не получишь,
Галифе ты не сошьешь!

ПО КАКОМУ РАЗРЯДУ?

Совершенно-особому экономит управляющий «Окрахмала» в г. Владикавказе гр. Баев:

Если рабочий крахмального завода обращается в РКК с какими-нибудь ходатайством, то к такому рабочему Баев уже начинает придираться с целью от него избавиться. Тот же Баев уже сколько времени воюет за перевод ночных сторожей завода из 5-го разряда в 4-й в целях снижения накладных расходов. Вообще Баев создал на заводе тяжелую атмосферу. Рабочие видят в нем не старшего товарища и руководителя, а старого хозяина.

Если у Баева на заводе единственный крупный накладной расход — это ночные сторожа в пятом разряде, то он хозяйственник перворазрядный, но если и экономия его во всех делах такая же, как в этом, то мы насчет определения его хозяйственных способностей воздержимся. На это Совнархоз местный имеет.

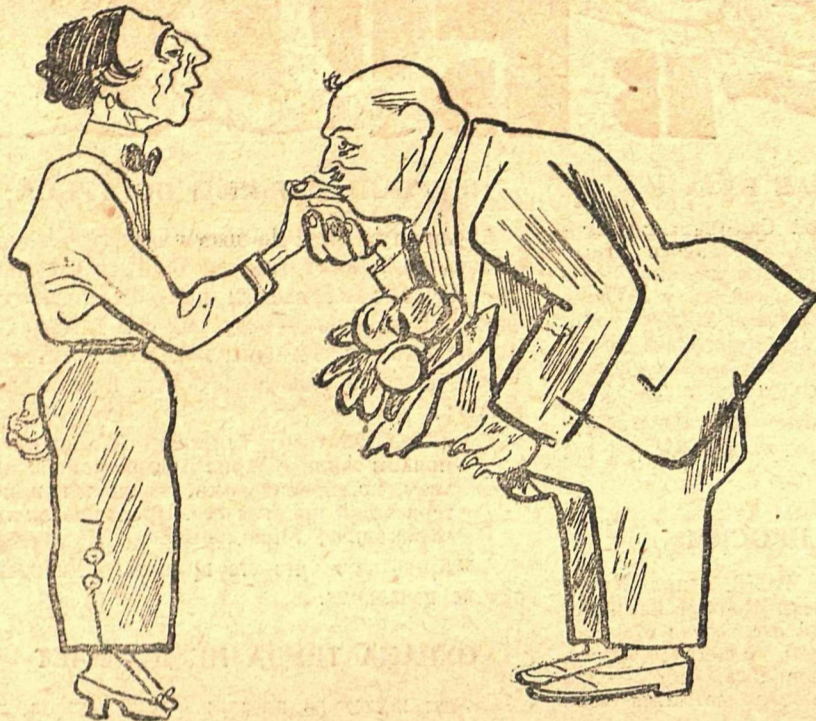
НЕ ЖЕНИСЬ

Пишут из Козлова:

Зав. Дома Крестьянина тов. Топильский несправедливо уволил со службы дворника, библиотекаря и комсомольца Пустовалова. При чем комсомольцу Пустовалову поставлен ультиматум: «Если женишься—оставлю, а не женишься—уволю».

Интересно, какие условия поставят Топильскому, когда его будут увольнять?

Рис. Ив. Малютина

ЖЕНА: — Сеня, я тебя не узнаю. Ты, кажется, начинаешь за мной ухаживать?

МУЖ: — Ничего не поделаешь, милая: экономия—великая вещь.

СЛОНОВЫЕ ПРОМЫСЛА

Оказывается, слоновую кость можно добывать и в Москве, на Садовой ул., в д. № 24/31:

В нашем домоуправлении была ревизия. Спросили: «Куда девалась слоновая кость, которая принадлежала МУНИ», а правленцы отвечают, что кость продана. Спрашивает ревкомиссия: «А почему же деньги не заприходованы?». А правленцы и говорят: «Давайте поделимся».

Добрые они, эти правленцы. Но таким специалистам по слоновой кости, наверное, скажет сам «СЛОП» (словецкий лагерь особого назначения).

ЗАГУДЕЛО В ГОЛОВЕ

Когда у одного умного мельника вода плотину прососала, то он стал гоняться с поленом за курицей, осмелившейся хлебнуть водички, невзирая на водной кризис. Об этом мы вспомнили, прочтя такую заметку в иваново-вознесенской газете «Рабочий Край»:

Не гудите попусту!

Мы все заговорили о дровяном кризисе, а экономить топливо не привыкли. Даже не видим иногда, где можно его сэкономить. Возьмем, к примеру, фабричные гудки.

В городе их штук десять, и каждый из них гудит в сутки около десяти раз.

Такое количество действующих гудков можно позволить себе только при больших излишках топлива. Сейчас нужно оставить гудки всего на двух-трех фабриках, а остальные, хотя временно, сократить.

Что хорошо в этом обращении, так это заголовок: «Не гудите попусту!». Пусть редакция газеты им и руководствуется в своей работе.

БОЛЬШАЯ ПОЛЬЗА.

Прислали нам афишку, в которой написано:

«Троицкий Окркомпом в субботу, 27 марта, устраивает лекцию на тему: «Народное заблуждение и научная правда об алкоголизме». По окончании лекции танцы под духовой оркестр музыки. Буфет: пиво, вина, закуски».

И спрашивает нас этот наивный товарищ— кому какая польза от такого вечера?

Как кому? Буфету, лектору... Экий вы педо- гадливый!

НЕ СМЕТЬ КОМАНДОВАТЬ!

Ячейка при Ивотской стекольной фабрике так завоевывает симпатии беспартийных:

При перевыборах фабзавкома ячейка в президиум не провела ни одного рабочего, а всех назначила через фракцию. Председателем ячейки провела Л. Никанорова, который находится под судом. Никаноров говорят, что ему по суду ничего не будет, т. к. у него брат большая шишка и поэтому все будет нитом-крыто.

Насчет последнего мы не сомневаемся— все будет нитом-крыто. Ивотские рабочие уже сейчас кроют таких «партийцев» почем зря! Жаль только—мало!

ЗЕМЛЯКИ ВСПОМНИЛИ

Мобилизовали тов. Быкова в Красную армию, и поехал он служить в Баку. А астраханские земляки не забывают Быкова. Посылают ему письма, чтобы не скучал. Из волости прислали, например, такой листочек:

Окладной лист по единому с.-х. налогу на 1925—26 год.

Причитается с Быкова налога на госуд. и местные нужды—10 копеек. Сроки платежей: 15 октября—4 коп., 15 декабря—3 копейки и 15 мая—3 коп.

Налог этот нечеловечен за одну голову скота. В листе не сказано, что это за голову, но Быков и все красноармейцы сразу догадались, что голова это не чья иная, как самого председателя Нидыковского исполкома. Иначе и не может быть!

БЕСПАМЯТНЫЙ ИНВАЛИД

У зав. инвалид. домом не все дома:

Заведующий домом инвалидов в Детском Селе, Ленинградской губ., Ефим Малоганов, не признает советских законов. Когда один из кочегаров дома, Круглов, потребовал компенсации за работу в дни отдыха, то его за знание законов сократили и написали: «По сокращению штатов», а выходного пособия не выдали.

Бедный завдом! Он, оказывается, сам инвалид. Память у него отшибло. Забыл даже, где он живет. Еще одним инвалидом больше в СССР!

ВЕРХ БЕЗДЕЛЬНИЧЕСТВА—занимая две должности по совместительству, занять и третью.

ВЕРХ ОТЧАЯННОСТИ—обедать ежедневно в нарпитовской столовой.

ВЕРХ НЕБЛАГОДАРНОСТИ—получив взятку, не поделиться с начальником.

ВЕРХ НЕОРГАНИЗОВАННОСТИ—работать по НОТ'у.

ВЕРХ ДОВЕРЧИВОСТИ—поверить в самом деле, что собрание состоится в назначенный час.

ВЕРХ ЛЮБЕЗНОСТИ—ответить на вопрос человеку, пришедшему к вам за справкой.

ВЕРХ ТОВАРИЩЕСТВА—дать рубль до среды.

ВЕРХ НАГЛОСТИ—добиваться получения какого-либо блага, не имея протекции.

ВЕРХ САМООБЛАДАНИЯ—никак не реагировать на приближение начальника.

ВЕРХ ТРУДОЛЮБИЯ—работать на службе.

ВЕРХ БЕСТОЛКОВОСТИ—можно видеть в любом учреждении.

ВЕРХ ТЕРПЕНИЯ—принести целиком домой получку.

ВЕРХ ВЕРХА и ВЕРХ НИЗОСТИ—жилище рабфаковцев на чердаке и в подвале.

Эдмонд Портянкин.

КУЛЬТУРНЫЕ РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Полубойтесь, дорогие товарищи, чем занимаются некоторые партийные работники:

Выписка из постановления общего собрания ячейки Докторовского химзавода.

Слушали: Зачитывается письмо Скопинской ж.-д. ячейки, носящее скабрешный характер и заключающее в себе не- литературное выражение. **Постановили:** Письмо направить в «Крокодил».

Письмо, действительно, забортное: такие письма пишутся не на бумаге, а на заборе! Но спрашивается: зачем общее собрание «слушало» такое письмо? От тоски, что ли?

ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА

В № 71 «Торгово-Промышленной Газеты» напечатано:

На Мотовилихинском заводе прогулы достигли рекордной цифры: около 1.000 человек ежедневно не выходит на работу.

Прочитали мы такое сообщение и запечалились: шутка ли—1.000 человек ежедневно прогуливает! А если это вранье — значит, редактор газеты прогуливает—тоже печально! Одним словом—податься некуда.

УГОСТИЛИ ТАБАЧКОМ

Чембарские комсомольцы показали такой пример смелости деревни с городом:

Во время конференции городские комсомольцы подсыпали деревенским делегатам табак в тарелки.

Зато про чембарскую организацию теперь можно смело сказать, что у нее дела—табак!

БОЖЬЯ СТАРУШКА

Простота нравов наблюдается в г.р. Шенетовке.

Еще в апреле 1924 г. у нас была поймана бабка Чайковская, делавшая аборты, от которых умирали женщины. Бабку почему-то выпустили на поруки, и она продолжала заниматься абортами. В феврале текущего года от ее операции умирают сразу две женщины. Тут только судебные власти спохватились.

А не верожила ли эта чертова бабушка шенетовскому прокурору?

СУЩЕСТВЕННАЯ ЗАСЛУГА

Рис. Ив. Малютина

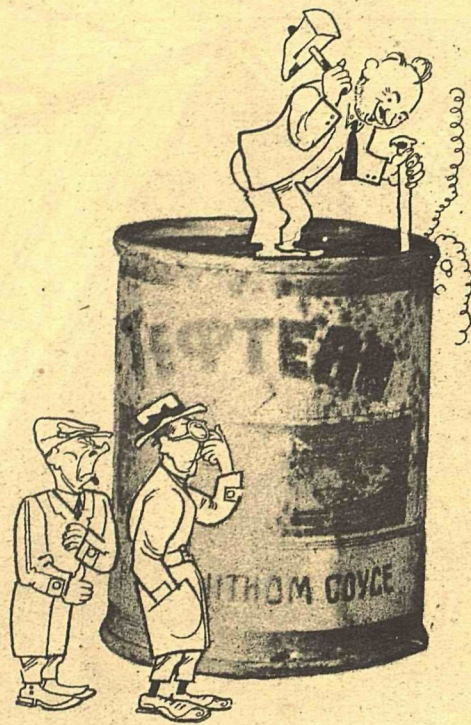
— За что это Сидора Петрова качают? Школу, что ли, он починил?
— Кой черт, школу! Он по случаю закрытия кооператива миру четыре ведра водки выставил. За то и качают!

Рис. К. Ротова

Посланные в Америку консервы оказались испорченными.

ПРИШЛИ...

ПОНЮХАЛИ...

И УШЛИ.

(Гоголь—„Ревизор“)

МОНОЛОГ ПЕРЕГИБАЮЩЕГО

— Я, дорогой товарищ, считаю, что внедрять лучше всего—лозунгами. Лозунг—это стимул. И, конечно, чем общественной, тем оно лучше внедряется. Лично я—так только и внедряю. На службе ли, дома—первым делом лозунгофицирую. Взять, например, такое уж истрепанное требование: без доклада, мол, не входи. И тоже совершенно свободно залозунговано. Вот: «вхождению без доклада—Антанта только рада». Спрашивается, почему вышел лозунг? Потому что увязано с общественностью. Антанта, дескать, радуется. Помогает, дескать, контр-революции, входя без доклада. Смотришь—лозунг и вышел.

Или же насчет рукопожатий. Тоже лозунг: «если ты красной гигиене друг—руки прочь от пожатия рук!». И заметьте: не просто о гигиене речь идет, а о красной гигиене. Красная гигиена—значит, красная общественность, значит, оно уже не что другое, как лозунг чистой воды.

Больше того: у меня даже такая надпись имеется: «все завоевания Октября—регистрай у секретаря». Что мы тут видим? А то видим, что всякое дело требуется регистрировать у секретаря. А дела у нас какие? Послереволюционные дела. Послеоктябрьские. Стало-быть, они и есть завоевания Октября. Что и требовалось доказать...

Так ведь это только в учреждении. А какое поле для лозунгования дома! Квартирные массы—широкое поле для внедрения. Ну и внедряешь по мере сил. И опять-таки с увязкой общественной. Скажем, объявлениице, кому сколько звонить—и его свободно можно увязать. Если, конечно, налицо соответствующий подход. А уж в чем, в чем—в подходе мне не откажешь. Ну, и увязал, знаете, лозунгунул. Так: «не по-меньшевистски размазано, а четко: Мамулину три долгих, четыре коротких».

Дальше идем. Коридор. Телефон в коридоре, а по стене, натурально, обои. Ну, и всякий норовит фамилицу, адресок, номер телефонный тут же, не сходя с места, на обоях и написать. Приходится, конечно, бороться и пресекать. Как же, спрашивается, пресекать? Конечно, лозунгами! И опять-таки—общественными. Вот: «помня про строительство, бойся стеновредительства!». А если на кого строительство не действует, то и более активно: «враг трудовой стране—записывающий на стене».

Теперь: сами, небось, знаете, до чего у нас несознательные широкие квартирные массы. Из ванной кто ни выйдет—

прямо потоп. Пональют, расплескают да еще и крана не прикроют. Ясно—без лозунга не обойтись. «Нет у пролетариата лучшего друга, чем коммунальная услуга». Ну, и насчет экономии: «бережет советская вода социалистические города». В смысле уборной первое дело, чтобы гасили свет. Так и зафиксировано: «не выключающему свет—в трудовой семье уборной нет!».

Но самое раздолье для лозунгования это — на кухне. Грешный человек: на кухне я целую азбуку написал. И все из лозунгов. Начинается так: «Активным элементом будь, а газ закрыть не забудь». Потом: «Берущий примус без разрешения — безусловно не пролетарского происхождения!», «Ведро помойное не уберешь—в спину революции лишний нож». Ну, и там: «Кастриулы пачкать норовит—капиталист и паразит». «Раковины засорение—разруке поощрение», «У печки все должно быть чисто, — угар опаснее фашиста». На кухне—прямо раздолье.

И, знаете, я получил призвание, как, так сказать, спецлозунгист. Недавно домоуправление тоже обратилось: сочини, мол, и для них парочку лозунгов. А я что ж?—я с удовольствием. Придумал: «Наше строительство подмывает тот—кто останавливается у ворот!». Благодарили, конечно. Лозунг—это стимул. И чем общественной, тем оно лучше внедряется. А я лично где когда что могу—залозунговываю почем зря! Пускай внедряется...

В. Ардов.

ВАМПУКА

— Бежим! Спешим! Спешим! Бежим!—
Вопит артист, с натуры сизый.
Но... пребывает недвижим
Возле искрой-нибудь „маркизы“

Частенько тоже—и в делах.
Иной, отчаянно неистов,
Работает врагам на страх.
Но сразу видно...—из „артистов“

Чтоб экономию нагнать,
Согласно лозунга момента,
Шумит хозяйственников рать:
— Снизай расход на сто процентов!..

В конторах форменно—мятель,
Температуры пониженье,
„Глава“ наметил путь и цель,
Являет пыл и устремленье.

— Нурьеров снизить на разряд!—
А чтоб учесть прирост дохода,
Статистиков лихой отряд
Вновь наверхован... на два года.

Бежим! Спешим! Спешим! Бежим!
Все хорошо, но вот так штука:
В докладе—эконом-режим,
А в деле—эконом-вампунка.

И. Норд.

ЗАБАВНЫЕ ФАКТЫ И СЛУЧАИ

(Записанные гражданином Савелием
Октябrevым.)

УБОРЩИЦА И ЗАВ

Уборщица, предназначенная к сокращению, мыла лестницу учреждения весьма странным образом: подымаясь снизу вверх, она грязнила ногами только-что вымытую ею ступеньку.

Зав учреждением, столкнувшись на лестнице с уборщицей, воскликнул весьма недовольным тоном:

— Что вы делаете! Вы же так никогда не вымоете лестницу!

— Я сама это прекрасно знаю, — отвечала уборщица.—Но, к сожалению, у нас в учреждении никто не придерживается правила, что чистку надо начинать сверху!

ВЕЖЛИВЫЙ КООПЕРАТОР

Двое посетителей в совершенно пустом кооперативе никак не могли добиться, чтобы им отпустили требуемый товар. Приказчики пили чай, разговаривали и не обращали на покупателей никакого внимания. Наконец, выйдя из терпения, один из покупателей вытребовал заведующего.

Заведующий грозно накинулся на продавцов:

— Восемь вас тут человек и вы с двумя несчастными дураками справиться не можете! Что же будет, когда еще народу наберется!

ЗАБОТЛИВАЯ

Жена некоего ответственного работника зашла с мужем в парфюмерный магазин. Узнавши, что заграничные духи значительно подорожали, она закатила глаза и взволнованно сказала мужу:

— Это ужасно! Мы еще можем кое-как их покупать. Но что теперь скажут рабочие на ваших заводах!

ПРОМАХНУЛСЯ

Счетовод, желая набить себе цену, сказал как-то своему начальнику:

— Меня приглашают в другое учреждение на должность бухгалтера... Не знаю, как быть.

— Непременно соглашайтесь! — отвечал начальник.—Потому что, по совести говоря, как счетовод, вы ни к чорту не годитесь!

Беспартийный Савелий Октябrev.

КОМБИНАТОВО ГОРЕ

В Сибири организован прямо смехотворный комбинат кладбище, пивоваренный завод и ассенизационный обоз.

(„Экон. Жизнь“)

Комбинату сон не сладок,
Вовсе в рот не лезет пища:
Наведет «Обоз» порядок,
Обижается кладбище.

Разведет «Обоз» холеру,
«Пивовар» несет утрату...
Комбинат грустит не в меру,
Очень трудно Комбинату.

Но трудней (к чему лукавить!),
Как ни бейся с видом кислым,
Комбинат сей сопоставить
С примитивным здравым смыслом...

М. А.

НАКЛАДНЫЕ ОКЛАДЫ

В Кадиевском руднике Донбасса при Рудоуправлении сидят лица, про которых никто не знает, что они делают.

С чего бы, кажется, рабкору бить в набат...
Не понимаю я, чего рабкору надо...
— Так, в месяц раза два они берут „оклад“,
А в остальные дни... спокойно ждут оклада!..

М. А.

СВЕРХ - ВЕГЕТАРИАНЕЦ

Рис. К. Елисеева

ВУЗОВЕЦ: — Подумаешь, удивили:
«Я никого не ем!». Я так вот НИЧЕГО не ем...

В КООПЕРАТИВЕ

— Однако, и громадная у вас усушка.
— Откуда же на тепленьком месте быть сырости?

У ФАБРИКИ

— Как ты устроился на работу?
— По завомству.

С 1-го МАЯ „РАБОЧАЯ ГАЗЕТА“

ВЫХОДИТ

ЕЖЕДНЕВНО НА 8 СТРАНИЦАХ

а по воскресеньям с художественным приложением, отпечатанным по способу меццо-тинто.

ЦЕНЫ на все 7 изданий «РАБОЧЕЙ ГАЗЕТЫ» повышены с 1 мая

НА 20 КОПЕЕК.

ДЕСЯТЬ ОТВЕТОВ

Для экономии бумаги и времени я не стану описывать, после скольких долгих трудов и мытарств мне, наконец, удалось получить ответы у лиц разного пола и разных профессий.

Вопрос задавался всем один и тот же — Как вы относитесь к режиму экономии?

Вот их ответы:

Бюрократ.

— Мое отношение? Сейчас... Алло! Дайте регистратуру. Какой последний исходящий? Ага... Спасибо... Так вот, значит, наше последнее отношение № 3587912.

Хозяйственник.

— Ох, боюсь, влетит в копеечку этот режим экономии!

Профсоюзник.

— Очень хорошо. Мы об этом уже разослали 25 циркуляров.

Партиец.

— Недурно было бы, если бы режим экономии коснулся повестки дня.

Жена ответработника.

— Может быть, и нужен этот режим экономии, но неужели не могли подождать до осени? Из-за этого мы сейчас не можем поехать в командировку.

Честный беспартийный.

— Приветствую. Да здравствует Коминтерн! Только, по-моему, будет большая неувязка, если в связи с экономией начнутся сокращения по службе. Да здравствует тов. Дзержинский!

Некая в платке.

— Слава те господи за этот режим, — може, мой с бутылки перекинется на полбутылочку.

Растратчик.

— А как в связи с режимом, не будут ли судьи экономней в сроках? А то они меньше цифры десять да со строгой и не знают. Хорошо бы их урезать.

Вузовец.

— Правильно. Давно пора подтянуться... потуже ремешком.

Прогульщик.

— Мы давно за экономию. Десять-два дома посидишь, и станок не так истреплется.

Собр. Б. Левин.

РЯД ВОЛШЕБНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ МИЛОГО ЛИЦА...

Рис. Ив. Малютина

Канцелярист мирно покуривал.

Прошел слух о приближении начальства.

Начальник вошел и приблизился...

...На минутку задержался у стола канцеляриста...

...И милостиво проследовал дальше.

Все приняло прежний вид.